

Логика мифа

7 фактов о тайне мироздания, к которой человек приобщается через миф

05.02.2013

Фото: The San Diego Museum of Art

Когда мы произносим *миф* и *логос*, сразу возникает вопрос, русские это слова или греческие? С одной стороны, конечно, они греческие, заимствованные. С другой стороны, в русском языке они, как теперь говорят, прописаны, и от них никуда нельзя деться: *миф*, *мифология*, *логика*, что-то *логично*, что-то *нелогично*. «В начале было Слово» по-гречески звучит «эн архе эн хо Логос». *Логос* –

греческое слово, означающее «слово», и вместе с тем совершенно русское. То же можно сказать и про *миф* – он также означает «слово». Стало быть, встречаются три многозначности: многозначность греческих слов миф и логос, многозначность этих слов, уже заимствованных русским языком, и многозначность русского слова «слово», которое может означать и что-то безмерно серьезное, и что-то безмерно легковесное. Этот контраст особенно хорошо виден в диапазоне значений слова миф.

Говорят, что миф – это что-то волшебное, ненастоящее или то, что было так давно, что никто не помнит, когда же, в самом деле. Но вместе с тем миф, оказывается, обладает объясняющей силой. Вот мы знаем, что Сизиф толкает в гору камень, тот скатывается вниз, и мы понимаем, что это – солнце. А урожай собирают потому, что дождем, падающим с неба на землю, Уран совокупился с Геей, и та дала плоды. Это и неправда, и правда. Вот почему внутреннее противоречие, которое содержится в самом нашем понимании греческо-русского слова *миф*, нуждается в постоянно освежаемом анализе.

[Барт Р. Миф сегодня](#) // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994. С. 72–130.

1

Например, миф – это представление о том, что дождь идет, потому что, как греки говорили, «Зевс хюэй» – Зевс писает. Так как Зевс – величайшее божество, его моча прозрачна, как дождевая вода. А, например, пионы, которые цветут в мае-июне в зависимости от климата, древние греки считали бровями Зевса. Мы понимаем, что так говорится не по-настоящему, понарошку. Или вот есть число 14, сакральное число Геры, божественной супруги Зевса. А Олимпийских богов 12, это тоже сакральное число. За этими числами ничего особенного не стоит, но это нечто сакральное, некий набор представлений, которые объясняют мир волшебным образом, взывая сначала к нашему воображению, а потом уже – к нашему соображению. И мы начинаем понимать, что всякое число сакрально. Числа сакральны. Математика – сакральная наука. Она обеспечивает познание некой беспримесной истины. Так вот, и само это представление вполне мифологично. Три русских слова – «шифр», «зеро» и «цифра» – происходят от одного арабского слова, обозначающего «нуль», или по-латыни – «никакой». Узнаете? Это же ответ Одиссея на вопрос Полифема, как твое имя? Никто, ответил Одиссей. Греческие и римские математики этого нашего нуля не знали, зато знали и развивали философию не-сущего. У них была словесная, описательная теория небытия и даже теория перехода из этого

мира в мир иной. Мифологическое описание, например, рек подземного царства, океана, жизни на Островах Блаженных, -тоже сакрализация математических интуиций, которая осталась с человечеством и после того, как оно узнало о существовании отрицательных чисел и других математических чудесах. Даже 12 подвигов Геракла можно понять и описать так, чтобы люди увидели самую строгую и обыкновенную математику сквозь философию числа, а счисление и его методы поняли как нечто чудесное.

Huber, Michael: *Mythematics: solving the twelve labors of Hercules*.

Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2009.

2

Например, мы все понимаем, что наука доказала: никакого Зевса нет, а дождь льет из туч, тут имеют место некие физические явления. И вместе с тем, по какой-то не совсем понятной причине, у всех народов сохраняется представление о таком вот праповествовании о мире, и его следы и опорные точки до сих пор живут в нас. Мы даже не отказываемся в языке от неправильных описаний мироздания. Мы говорим, например, что солнце встает и садится, хотя никто не сомневается, что это земля наша летит вокруг солнца. Это значит, что человек предпочитает жить в мире с далеким историческим прошлым своего языка и, отчасти, своих представлений. Мало того, человек даже вполне исторические события с удовольствием мифологизирует, или объясняет эти события как чудо, или, если они ему не нравятся, готов объявить их никогда не существовавшими. И тогда сама эта ложь превращается в опасный миф.

Кереньи, Карой. Мифология. Составитель Иштван Надь. Перевод с венгерского Ю.Гусева и др., М., "Три квадрата". М., 2012.

3

Например, у нас существует представление о семье, где есть глава, который может ассоциироваться с Зевсом, а может с кем-то другим. У нас есть представление о бунте младшего поколения против старшего, и греческая мифология демонстрирует страшные примеры этой вечной войны, или отец пожирает своих детей и тогда сын оскотпляет отца, убивает его. И мы понимаем, что в этом мифическом объяснении содержится какое-то зерно, которое не сводится к волшебству и к иносказанию, а выражает самую сердцевину загадочности мира, в котором мы живем. «Отцы и дети» И.С.Тургенева, разговоры о «революциях, которые пожирают своих детей», — за всем этим миф не столько о семье, сколько о власти. В этом мифе о владыке, который всю

свою жизнь боится, что его свергнет кто-то из сыновей, коренится постоянно возобновляемый урок, о котором незадолго до расцвета тоталитаризма в Европе говорил Альберт Эйнштейн.

[Эйнштейн, Альберт. Мир, каким я его вижу.](#) 1931. Пер. Юлия Шейнкера.

4

Например, в некоторых диалогах Платона слово «миф» употребляется не просто в значении «слово, повествование», а в значении «закон, на основании которого дела обстоят так-то и так-то». Иными словами, миф – это ложное, волшебное, фантастическое описание действительности и ее происхождения, за которым у всех нас существует некоторое зернышко – как та горошина, на которой ворочается принцесса, – в котором содержится некая пранаука, объясняющая все мироздание в целом. Она может быть фантастичной или описываемой каким-то слишком простым и даже топорным языком, но она постулируется как необходимая, как условная точка отсчета. Поэтому Платон и называет «мифологией» законотворческую деятельность: ведь законодатель заинтересован в законе, которого все боятся и которому все подчиняются. А это возможно только с законами, освященными абсолютным авторитетом.

Plato and myth: studies on the use and status of Platonic myths. Ed. by Catherine Collobert. Leiden: Brill, 2012.

5

Например, нам часто говорят, что миф это совсем не то, что логос. Миф представляет собой всеобщее, универсальное описание происхождения Вселенной, которое понятно и ребенку, и взрослому, и умному, и глупому, и ученому, и неученому: есть какое-то верховное божество, которое мы можем отождествлять, например, с Солнцем или с громом и молнией. Как не обожествить явление природы? Как не посмотреть на природу как на невероятное чудо?

Эйнштейн говорит об этом так (пер. Ю.Шейнкера):

«Тайны природы для нас – это источники наиболее прекрасных переживаний. Это фундаментальные эмоции, которые стоят у колыбели истинного искусства и истинной науки. Кто этого не знает, кто потерял способность удивляться и изумляться – все равно что мертвец и глаза его тусклы. Ведь переживания таинственного – даже если смешаны со страхом – породили религию. Знание того, что существует нечто непроницаемое для постижения, наше восприятие глубочайших причин и самой лучистой красоты, которые лишь в самой примитивной форме постигаются нашим разумом – именно это знание образует

истинную религию. В этом и только в этом смысле я являюсь глубоко религиозным человеком. Я не могу мыслить о боге, который награждает и наказывает свои творения. Я также не могу и не хочу мыслить об индивидууме, который переживает свою физическую смерть. Пусть слабые души из страха или абсурдного эгоизма лелеют такие мысли. Мне достаточно проблесков в познании чудесной структуры мироздания, познания частицы, пусть всегда крошечной, Великой Причины, обнаруживающей себя в Природе».

Итак, нам предлагают начать различать, расплести, а это область логоса. Это – тоже речь, разговор, который разбирает устройство, структуру. И этот разговор ведется по строгим правилам, которые называются логикой. Мы говорим, что есть два типа реальности: загадки и тайны. Загадка создана для того, чтобы мы ее разгадывали, а тайна не может быть разгадана. Прикладная наука занимается загадками, а фундаментальная наука занимается тайнами.

Покажите мне человека, который постиг тайну мироздания – его нет. Но мы хотим быть к ней приобщенными. И мы приобщаемся к ней через миф, всем нам понятное универсальное повествование, хотя мы условились, что это универсальное повествование не совсем реально. Оно волшебное, в нем много фантазии, но мы решили, что принимаем это как рамочные условия взгляда на мир как на живое существо. Вот почему философы ходят в обоих направления – то от мифа к логосу, то от логоса к мифу. И в зависимости от направления движения они видят разные вещи.

Голосовкер Я.Э. Логика мифа (составители Н.В. Брагинская и Д.Н. Леонов). – М., «Наука», 1987.

6

Например, мир вещей, неужели и в нем есть что-то мифичное? Мы с вами живые люди, и поэтому мир вещей тоже живой. Не только деревья, но и камни живые. Прошлое пропало, и мы логически понимаем, что его не восстановить. Если у кого-то ушли родные, ушли учителя, мы знаем, что их нет. Они не вернутся. Но они – с нами, и это наш личный миф. Наше личное повествование о своей судьбе – это тоже миф. Старые люди имели своих бабушек и дедушек, и когда в семье живут старики, они всё время вспоминают историю из их жизни. Эти истории обрастают какими-то новыми подробностями. То, что рассказывает бабушка, совсем не обязательно правда, но ее история в жизни нескольких поколений одной семьи становится семейным мифом, объяснением, почему в этой семье происходит что-то: потому что бабушка рассказывала, что ее дедушка сделал то-то и то-то. И поэтому какая-нибудь семейная безделушка, иногда – пучок

сухой травы, становится для человека вещью, разглядывая которую, он передает семейный миф дальше.

Гусейнов Г.Ч. Грифос: предметное и словесное воплощение греческого мифа // Контекст-86. М.: Наука, 1987. С. 77-107.

7

Следовательно, миф – это не только универсальное и общее, но еще и частное. Это то, что присуще каждому человеку с его личной биографией, которая растянута между прошлым и будущим. С этой точки зрения, миф – это способ выживания во времени. Если бы он не сворачивал, не подчинял себе потоки времени, то мы бы жили страшно нервозно, все время боялись бы, что каждую секунду исчезает текущий момент. Будущего еще нет, прошлого уже нет, а настоящее время постоянно пропадает. Мы бы не знали, на что опереться. И мы опираемся на представление о вечности, а представление о вечности целиком мифично.

Kan, Sergei. Symbolic Immortality: The Tlingit Potlatch of the Nineteenth Century. Washington: Smithsonian Institution Press. 1989.

Гасан Гусейнов

доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ

[Все материалы автора](#)

[Древняя Греция](#) - [культура](#) - [миф](#) - [мифология](#)